

в отчетах за 1890—1893 гг. и за 1894—1896 гг. выделяется материал о разного рода «сбережениях» и сокращениях «расходов».¹⁸ Отчеты по Морскому министерству за «послецусимский» период также отличаются от отчетов за 80—90-е гг. и могут служить критическим материалом для последних.

В целом отчеты по Морскому ведомству следует признать ценным историческим источником, позволяющим установить многие факты, освещающие деятельность флота и его береговых учреждений в XIX—начале XX в. О достоинствах их уже говорилось в начале данной статьи. Что касается достоверности приводимых в отчетах сведений, то здесь представляется такая картина. Сам по себе цифровой материал в подавляющей массе верен, чего нельзя сказать о значительном числе выводов, которые делают авторы отчетов, исходя из этого материала. Каждый динамический ряд должен быть проверен на материалах к отчетам или на основе рапортов отдельных подразделений министерства. Особенно это касается тех данных, которые освещают ключевые для тогдашнего руководства проблемы управления и хозяйства вверенного им ведомства.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

ПЕТИЦИИ ЭСТОНСКИХ, ЛАТВИЙСКИХ И ЛИТОВСКИХ КРЕСТЬЯН ПО УКАЗУ 18 ФЕВРАЛЯ 1905 г.

Среди петиций, полученных в Петербурге весной и летом 1905 г.,¹ особое место занимают петиции крестьян эстонцев, латышей и литовцев. В Прибалтийском крае, а также в населенных литовцами уездах Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний петиционная кампания приняла чрезвычайно широкий размах, сосредоточившись почти исключительно в крестьянской среде и охватив ее едва ли не целиком. Это было принято во внимание созданным царем особым в Совете министров присутствием для рассмотрения петиций; и канцелярия Комитета министров, обслуживавшая и Совет министров, приступила к собиранию петиций прибалтийских крестьян в специальные дела, классифицируя петиции как по содержанию, так и в соответствии с типом крестьянских организаций, их направивших. В основу классификации по содержанию было положено не только частое совпадение требований и целых групп их, но и то обстоятельство, которое вовсе не было характерным для общероссийского петиционного потока, — наличие типовых проектов, многократно

¹⁸ Отчет за 1894—1896 годы. СПб., 1897, с. 1.

¹ См.: Ганелин Р. Ш. Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика. — В кн.: ВИД. Л., 1983, XV, с. 170—185.

повторенных в текстах петиций. Затем ходатайства делились на исходившие от крестьян волостей (сельских обществ) и от сельскохозяйственных обществ. Начало классификации было положено «Списком однородных заявлений, представленных в Совет министров на основании указа правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г. о нуждах крестьян эстов и латышей».²

Заявления в списке были поделены на две группы и в соответствии с этим рассматривались особым в Совете министров присутствием 18 июля 1905 г., составив и. 1 и 2 его мемории IV, датированной 18 июля и утвержденной царем 27 июля 1905 г.³ В п. 1 фигурировали «почти дословно совпадающие заявления» членов 12 сельскохозяйственных обществ и крестьян 31 волости Лифляндской и Курляндской губерний и 1 волости Двинского уезда Витебской губ., в п. 2 — «однородные ходатайства» 12 сельскохозяйственных обществ Лифляндской губ. и крестьян 77 волостей всех прибалтийских губерний. 33 подлинные петиции первой группы составили особое дело, открывающееся указанным списком.⁴ Собранных вместе петиций второй группы обнаружить не удалось. В тот же день 18 июля 1905 г. особое присутствие рассмотрело в числе прочих порознь или группами еще 48 заявлений, которые мы здесь и далее условно назовем прибалтийскими, как и те, о которых речь шла до сих пор.

Затем, когда особое присутствие было уже закрыто царем и его председатель гр. М. Н. Сольский самостоятельно решал судьбу продолжавших поступать петиций, в составленной их ведомости, утвержденной Сольским 17 августа 1905 г., опять под номерами 1 и 2 появились еще две группы петиций — «крестьян литовцев 25 волостей различных уездов Ковенской и Витебской губерний и 5 гмин Сувалкской губернии и одно за подписью 537 литовцев Сувалкской губ.» (среди них были выбраны «наиболее типические») ⁵ и «членов 2 сельскохозяйственных обществ, 2 обществ трезвости Лифляндской губ., крестьян 75 волостей разных уездов Эстляндской и Курляндской губерний и 25 заявлений за подписью 7707 эстонцев, всего 111 однородных по содержанию ходатайств».⁶

В этой, а также в другой ведомости, утвержденной Сольским 5 сентября 1905 г., находим 27 прибалтийских петиций, объединенных в 17 пунктах.⁷ Всего, таким образом, ведомственным учетом было охвачено 368 прибалтийских петиций, включая 12 петиций, рассмотренных особым присутствием на ранних стадиях деятельности и включенных в его мемории I—III.

² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 1191, л. 1—4.

³ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 6, л. 78—82.

⁴ В списке число петиций второй группы было иным, нежели в мемории, — не 12 и 77, а 17 и 90.

⁵ Упр. делами Совета министров Э. Ю. Нольде — министру внутренних дел А. Г. Булыгину. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 24, л. 49.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 6, л. 110.

⁷ Там же, л. 110—122.

22 ходатайства остались, по нашим подсчетам, без ведомственного учета и систематизации. Таким образом, общее число прибалтийских ходатайств, так или иначе нами учтенных (9 опущено ввиду случайности содержания), составляет 391. Среди них некрестьянских всего 16. Сопоставление этих цифр с цифрами, относящимися ко всему корпусу петиций в общероссийском масштабе за вычетом прибалтийских (ввиду случайности содержания опущено 120) и составляющими всего 491 петицию (из них 161 крестьянская), во многом показательны.⁸

Одной из причин интенсивности петиционной кампании в рассматриваемых районах и ее исключительно крестьянского характера — при том что широкое распространение крестьянских приговоров и наказов стало с конца 1905 и в последующие 1906 и 1907 гг. важной формой крестьянского движения в центральных губерниях страны — явилось возникновение в изучаемых нами районах нескольких типовых проектов петиций по указу 18 февраля. Ни в одном другом районе страны не наблюдалось ничего подобного, и среди петиций из других губерний при значительной распространенности ряда основных требований в сущности нет буквально или почти буквально повторяющих друг друга.⁹ Нельзя, разумеется, игнорировать и такой причины массовости крестьянской петиционной кампании в прибалтийских губерниях, как отсутствие там земства: в земских губерниях часть петиций, исходивших, например, от уездных земских собраний и управ, содержала и некоторые крестьянские требования.

Наряду со всеми этими причинами массового участия эстонских, латвийских и литовских крестьян в петиционной кампании эта массовость была прежде всего признаком нарастания революционных настроений в их среде. Напомним, что аграрные выступления в Прибалтике начались ранней весной и отличались значительной интенсивностью. Вышедший из Петропавловской крепости А. М. Горький в письме Е. П. Пешковой из Риги 12 или 13 (25 ли 26) марта 1905 г. отмечал: «Здесь творятся дела в высокой степени значительные — всюду крестьянские беспорядки. Латыши, эсты, литовцы — удивительно интересный и разумный народ, — нужно видеть, что они делают, чтобы поверить, как они серьезно и стойко добиваются своей цели».¹⁰ Затем последовали массовые забастовки сельскохозяйственных рабочих. Таким образом, весь охваченный петиционной кампанией период ознаменовался здесь революционными выступлениями крестьян.

---

⁸ Подсчеты произведены нами по материалам (подлинникам и копиям петиций) архивных дел ЦГИА СССР (ф. 1276, оп. 1, д. 7—25), а также по мемориям 1—V особого в Совете министров присутствия и трем ведомостям петиций, им не рассмотренных (там же, д. 6).

⁹ О петиционных кампаниях как традиционной форме политической борьбы эстонского крестьянства см.: Круус Х. Х. Петиционная кампания эстонских крестьян в 60-х годах XIX в. — В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957, с. 494—514.

¹⁰ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954, т. 28, с. 363.

То обстоятельство, что в некоторых из петиций удовлетворение выдвигаемых требований связывалось (не очень, впрочем, вразумительно и настойчиво) с прекращением «беспорядков», не меняло дела, тем более что верноподданническая фразеология наблюдается, как правило, лишь во вступительных фразах, содержавших ссылки на исходившие от царя законодательные акты.

Переходя к содержанию петиций, следует иметь в виду те особенности управления и землевладения в Прибалтийском крае, которые, дополняя повсеместные проявления самодержавного режима, давали господство и власть над местным крестьянским населением в политической и экономической сфере немецко-прибалтийскому дворянству. Эти-то особенности и создавали основу для массовости петиционной кампании вокруг нескольких типовых проектов, общими для которых были требования ограничения прав помещиков немцев. Недаром особое в составе Совета министров присутствие, приступив к рассмотрению петиций из Прибалтики, обращалось к четырем справкам, содержащим официальную, но не публичную, а потому вполне откровенную оценку общеизвестных форм угнетения местного населения немецкими помещиками. Первая из этих справок гласила, что дворянские ландтаги, заменяющие в прибалтийских губерниях земские учреждения, «ведают общественные нужды не только дворянства, но и всего края», хотя участвуют в них только местные дворяне-вотчинники.

Вторая справка вскрывала сущность экономической и правовой системы, позволявшей прибалтийскому дворянству усиленно эксплуатировать крестьян. Официально установленный порядок землевладения давал им специальные преимущества: помещичьи имения делились на «господские», или «мызные», и «крестьянские арендные и повинностные». Последними собственник мог пользоваться лишь посредством продажи или сдачи в аренду крестьянам, зато натуральные повинности лежали на этих землях. К тому же помещики пользовались исключительными правами винокурения и пивоварения, открытия ярмарок, содержания мельниц и корчем. Но, мало того, они сумели вопреки установленному разделению земель присоединить часть крестьянских земель под названием «квотных», или «шестидольных», к «мызным» якобы для обеспечения живущих в имениях батраков. На деле же, как признавалось в справке, «земли эти были частью проданы в другие руки, частью слились с мызными». В 1893 г. Александр III приказал было министру внутренних дел «выяснить вопрос о квотных землях для обращения оных к законному их назначению».¹¹ Но перемен не последовало.

В третьей справке речь шла о патронате — праве помещика избирать пастора местного прихода, в четвертой — о комиссарах по крестьянским делам, правительственных чиновниках, осуществлявших надзор за крестьянским волостным общественным

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 6, л. 79—80.

управлением.¹² В справках не было отмечено исключительное по общероссийским понятиям право вотчинной полиции, которым пользовались немецко-прибалтийские помещики, употребляя его, в частности, для свирепых расправ за покушения на свою собственность.¹³

Все эти обстоятельства непосредственным образом отразились в содержании петиций.

Материалы классификации канцелярии Совета министров дают нам изложение общего содержания двух групп петиций в упомянутых уже п. 1 и 2 мемории IV. Что касается петиций, объединенных в п. 1, то все они воспроизводили текст петиции, напечатанный в № 30 петербургской латышской газеты «Петербургас Авизес» за 1905 г.¹⁴ Содержавшиеся в ней требования были изложены в мемории довольно точно, за некоторыми исключениями, о которых речь пойдет ниже, в виде следующих 14 пунктов.

1. Уравнение в правах лиц всех вероисповеданий, национальностей и сословий.

2. Освобождение местного общественного самоуправления от административной опеки с применением к нему в широких размерах выборного начала, упразднение дворянского ландтага и права патроната.¹⁵

3. Передача заведования школами тем общественным учреждениям, на средства которых они содержатся; введение начального всеобщего, обязательного и бесплатного обучения и отмена всех ограничений, касающихся устройства библиотек, публичных лекций и т. п., а также употребления учебников в школах. (Для народных библиотек существовали особые правила отбора литературы, по которым в них не попадали многие допущенные общей цензурой издания).

4. Разрешение преподавания на латышском языке в средних и низших учебных заведениях, введение его в делопроизводство судебных, административных и общественных учреждений, учреждение кафедры латышского языка и литературы в Юрьевском университете.

5. Разделение Лифляндской губ. на две части с присоединением части с эстонским населением к Эстляндской губ., а части с латышским населением — к Курляндской губ.

¹² Там же.

¹³ *Беренштам В. В.* 1905 год в Прибалтике. М., 1926, с. 3; *Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А.* Революция 1905—1907 годов в Прибалтике. Таллин, 1981, с. 13.

¹⁴ См.: ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 1191, л. 5—184.

¹⁵ Борьба за упразднение прибалтийских дворянских ландтагов носила весьма острый характер. 10 августа 1905 г., когда указ о петициях был уже отменен, сход выборных Старо-Феннерской вол. Перновского у. Лифляндской губ. протестовал против опубликованного в местных газетах выработанного ландтагами законопроекта о местном самоуправлении прибалтийских губерний, который отдавал предпочтение интересам немецкого дворянства (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 23, л. 190).

6. Замена особого суда для крестьян выборным, всесловным, коллегиальным, введение суда присяжных заседателей (он отсутствовал в Прибалтике), согласование устарелых форм судопроизводства в евангелическо-лютеранских консисториях с формами производства в остальных судах.

7. Коренные изменения в поземельном устройстве местного населения и в связанных с ним обязанностях и отношениях, продажа крестьянам казенных земельных участков и принудительное в их пользу отчуждение части помещичьих земель с распространением на Прибалтийский край деятельности Крестьянского банка (в соответствующем месте типовой петиции содержалось прямое требование отменить разделение земель на мызные, повинностные и квотные и ликвидировать вытекающие из этого привилегии для мызных и ограничения для повинностных земель).

8. Улучшение положения безземельных крестьян, уравнение их прав в крестьянском самоуправлении с правами домохозяев, государственное страхование сельских рабочих.

9. Предоставление волостным сходам исключительных прав открытия торговли крепкими напитками и устройства ярмарок.

10. Отмена паспортной системы (этот пункт был добавлен к типовому тексту в Лашенской вол. Газенпотского у. Курляндской губ.¹⁶).

11. Строгое исполнение лесоохранительного закона (в типовой петиции содержалось требование немедленно запретить помещикам истребление лесов на подлежащих продаже крестьянам землях).

12. Прекращение поощрения промышленности за счет земледелия.

13. Введение подоходного налога.

14. Уменьшение влияния церкви на школу (п. 13 и 14 добавлены к типовому тексту при утверждении его в Альтенвогской вол. Рижского у. Лифляндской губ.¹⁷).

К этому следует добавить, что в мемории было лишь глухое упоминание о требовании «общих мер», которые, если обратиться к тексту петиции, означали «участие народа через свободно избираемых депутатов в законодательстве и составлении государственного бюджета», а также предоставление гражданских свобод. Этот пункт, как отмечалось в типовом проекте, означал присоединение к ходатайствам земских собраний внутренних губерний (мы обозначаем его 15-м номером).

Как видим, отступления от содержания типовой петиции в п. 1 мемории IV были незначительны (да и сопоставление всех петиций этой группы друг с другом подтверждает, что типовой текст был в основном принят всеми петиционерами). Они объяс-

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 1191, л. 239.

¹⁷ Там же, л. 160.

нялись изменениями, внесенными в текст при подписании его в разных местах.

Как же обстояло дело с петициями второй группы, описанными в п. 2 той же мемории? Канцелярия Совета министров, сравнивая их с петициями первой группы, определила их как «несколько разнящиеся... по изложению, по такого же содержания».¹⁸

Исключив пункты, совершенно совпадающие по содержанию с пунктами первой группы, приведем те требования, которых там не было, продолжая нумеровать их подряд.

16. Дарование новым органам самоуправления права законодательной инициативы по вопросам о местных нуждах.

17. Подчинение им низшей полиции с упразднением мызной.

18. Учреждение всесословной волости с обязательным привлечением помещиков к несению расходов на все местные нужды.

19. Упразднение должности комиссаров по крестьянским делам.

20. Допущение наравне с церковным гражданского брака с передачей ведения метрических книг органам самоуправления.

21. Установление минимального жалования сельским рабочим.

22. Привлечение к участию в законодательстве представителей, избранных на основе равного избирательного права.

Требования п. 17, 20, 22 находим в типовом проекте, опубликованном в эстонской газете «Постимеэс» и изданном ее редакцией на русском и эстонском языках, причем избрание представителя предусматривалось равным, прямым и тайным голосованием.¹⁹ Содержание проектов «Петербургас Авизес» и «Постимеэс» во многом совпадает, включая даже фразу об изучении местных языков в Юрьевском университете (в проекте «Постимеэс» говорилось об учреждении там должности профессора эстонского языка, в нем шла также речь о том, чтобы ввести его как язык преподавания в Александровском училище и выполнить давнее требование).

Однако простого воспроизведения проекта «Постимеэс» и других типовых проектов (кроме двух указанных известны еще два эстонских, опубликованных в газетах «Театайа» и «Уудизед», они рассмотрены, как и проект «Постимеэс», современными исследователями²⁰) выявленный нами материал за некоторыми исключениями не показывает.

¹⁸ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 10, л. 1 и след.

¹⁹ Там же, д. 22, л. 45 и след.

²⁰ *Карьяярм Т., Крастынь Я., Тула А.* Революция 1905—1907 годов в Прибалтике, с. 44—45; *Karjahärm T., Pullat R.* Eesti revolutsioonitules 1905—1907. Tallin, 1975, lk. 71—76. — Впрочем тексты петиций, опубликованные в «Театайа» и «Уудизед», могут считаться типовыми проектами лишь до некоторой степени, хотя бы потому, что они печатались, когда петиционная кампания была уже в разгаре: в «Театайа» — 25 июня, в «Уудизед» — 25 и 31 мая. «Уудизед» сообщила, что публикуемая ею петиция выработана группой из 20 общественных деятелей и помещена

Классовая дифференциация в крестьянской среде приводила к тому, что крестьяне во многих случаях пренебрегали типовыми проектами, выработанными в интеллигентской национал-либеральной мелкобуржуазной среде, и составляли свои собственные прошения, иногда выбирали из типовых проектов наиболее радикальные либо вносили в проекты изменения и дополнения, отвечавшие интересам отдельных групп, чаще всего беднейших и безземельных слоев крестьянства. Иногда, впрочем, текст петиции составлялся на основе двух или более типовых проектов, как

также в газете «Олевик». В «Театайя» указывалось, что петиция перепечатана из газеты «Балтийские отголоски», в которой она была представлена как уже подписанная несколькими тысячами человек. Само появление в Ревеле двух недатированных номеров этой русской газеты с двумя русскими издателями, но с подзаголовком на немецком языке — «Russische Stimme» («Русский голос») — было связано с петиционной кампанией и представляло собой очевидную попытку прибалтийского немецкого дворянства повлиять на ее ход. В редакционной статье № 1 газеты, датированной 3 июня, многозначительно сообщалось по поводу проекта преобразования местного самоуправления, выработанного Рижским съездом прибалтийского дворянства, что он составлен по предложению правительства и пользуется поддержкой властей. Тем не менее выражалась готовность немецких помещиков к обсуждению с представителями латышского и эстонского населения не только проекта Рижского съезда, но и петиций латышей и эстонцев. Но «если эсты и латыши будут оставаться на стороне элементов, проповедующих полную непримиримость с немцами (т. е. прибалтийскими помещиками. — *P. Г.*) и радикализм, выжидающий осуществления всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов», то они упустят такую возможность, говорилось в статье. Напуганные размахом петиционной кампании как формы массового движения («в наше время центр тяжести решений роковым и неизбежным образом перенесен на массы», — указывалось далее в статье), прибалтийские дворяне своим объединительным маневром стремились внести разложение в его ряды, лишить крестьянские петиции их радикального содержания, резкости требований, направленных против помещиков немцев.

Истинный характер этой газеты ясно виден из ее № 2. В редакционной статье, датированной 18 июня, содержались нападки на булыгинский проект представительства как порождение бюрократии за то, что он допускал участие в выборах населения национальных окраин. Попытка немецких дворян подчинить себе массовое движение эстонских и латышских крестьян не была единичной. Когда Комитет министров приступил к осуществлению мер по исполнению указа 12 декабря 1904 г., эстляндский и лифляндский предводители дворянства представили прошения о разрешении преподавания в низшей и средней школах этих губерний на родном языке населения. Как мы знаем, в крестьянских петициях это было одним из распространенных требований. Комитет выразил мнение о возможности преподавания на родном языке, исходя из того, что «высшие и образованные классы прибалтийской окраины», т. е. немецкие дворяне, «всегда принадлежали к числу лиц, по убеждениям приверженных твердой законной власти и государственному порядку». «В крестьянском населении упомянутые классы стремились путем школы внедрить чувства верноподданнической преданности императору, уважение к религии и необходимость поддержания существующего строя», — указывалось в журнале заседания Комитета министров 10 мая. Царем он был утвержден 18 июня (Государственные акты от указа 12 декабря до указа 11 декабря 1905 г. . . / Сост. М. Миронов. СПб., 1906, с. 185—190). В эти дни и был предпринят демарш «Балтийских отголосков», не встретивший никакого отклика, поскольку за двумя номерами газеты других не последовало.

это было в Нарве. Роль типовых проектов порой заключалась в том, что они давали импульс петиционной кампании в той или иной местности. Хотя до нас дошло значительное число петиций, в сущности повторяющих текст проекта, напечатанного в «Петербургас Авизес», тем не менее и этот текст, как мы видели, дополнялся «нетиповыми» требованиями. Показательная история приключилась с этим проектом в Одензеской волости. Сход дворохозяев 8 апреля 1905 г. постановил «присоединить свои подписи к этому ходатайству, в котором в сокращенном виде изложены все наши нужды». Однако по заявлению некоторых безземельных жителей волости волостной старшина собрал в тот же день сход безземельных, на который явилось 59 человек (дворохозяев на их сходе был 51 человек). Участники схода безземельных составили свое собственное прошение, которое было присоединено к типовому. Присоединившись к содержащимся в типовом ходатайстве общеполитическим требованиям, безземельные выдвинули свои собственные требования в сфере социально-экономической, шедшие гораздо дальше того, что предусматривал здесь типовый проект. Они требовали законодательных мер, которые сделали бы для них доступными приобретение земли и жилья «по нормальным ценам», сокращение рабочего дня и повышение заработной платы (обозначим это требование № 23), а также государственного страхования сельскохозяйственных рабочих и организации для них государственной торговли предметами потребления. «Заработная плата паша, сельскохозяйственных рабочих, — говорилось в петиции, — очень ничтожная, за весь год, работая 18 часов в день, выходит не больше 20—30 коп. за день. Холостой человек еще может при таком вознаграждении пробиться, но семейный... никак не может существовать... Россия состоит из 3/4 бедных безземельных крестьян, которыми по большей части содержится все государство... Но в настоящих трудных обстоятельствах о развитии огромной армии рабочих и речи быть не может, потому что в настоящем положении мы не можем жениться и умножать подданных, или если женимся, то должны всякими средствами воздержаться от умножения семейства. Благодаря таким обстоятельствам рабочий класс уменьшается на прямой ущерб государству, ибо наши братья, которые проливают кровь там, на Дальнем Востоке, за отечество и государство, по большей части состоят из безземельных рабочих; и поэтому необходимо позаботиться об улучшении нашего благосостояния и о расширении прав рабочего класса».²¹

С этой петицией перекликалась по содержанию эстонская петиция, в первом из известных нам случаев исходившая от поверенных безземельных крестьян Тиммоской вол. Верроского у. Лифляндской губ., во втором — от 30 крестьян Катептакской вол. Везенбергского у. Эстляндской губ., а в третьем — от безземель-

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 1191, л. 129—131.

ных из Мексгофской вол. Юрьевского у. Лифляндской губ.²² Положение безземельных рабочих было описано здесь таким же образом, как и в их петиции из Одензеской вол., и объяснялось превышением предложения рабочих рук над спросом ввиду особенностей отмены крепостного права в Прибалтийском крае («здесь неимущих во всем населении около 80%»). Но наряду с безземельными в этой петиции затрагивалось положение и двух других групп бедняков. Это «так называемые земельные батраки» — мелкие арендаторы, задавленные помещиками «смешанной арендой» — сочетанием «высокой денежной платы» с «нигде не слыханной тяжелой барщиной», и немногочисленный «класс» сельскохозяйственных рабочих — мелкие собственники-усадебовладельцы, задолжавшие дворянским кредитным обществам и жившие под угрозой продажи своих усадеб с молотка.

По сравнению с петицией безземельных Одензеской вол. и другими петициями, уже нам известными, здесь не было выдвинуто каких-либо иных требований социально-экономического характера, кроме 8-часового рабочего дня (№ 24), запрещения детского и ночного и урегулирования женского труда (№ 25). Однако классовый характер этой петиции отчетливо проявился в радикализме ее политических требований. Среди них были созыв на основе всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права, так называемой «четырёххвостки» (№ 26), всеобщего парламентского контроля, который должен был способствовать «пенарушимой связи» различных частей страны («признаем единство своего государства» — № 27), с предоставлением ему прав законодательства (№ 28), утверждения бюджета (№ 29) и введением ответственности министров перед ним (№ 30), созыв учредительного собрания (№ 31), требования гражданских свобод и амнистии пострадавшим по политическим делам (№ 32), замены постоянной армии народной милицией (№ 33), отделения церкви от государства (№ 34).

С этой петицией в основном совпадали по содержанию петиции безземельных и бедняков Эрастверской, Корастской и Кергельской волостей Верроского у. Лифляндской губ., в которых, правда, отсутствовали требования созыва учредительного собрания. Отсутствовало это требование и в петиции крестьян из Ново-Отепеской вол. Юрьевского у. Лифляндской губ., среди которых большинство составляли «безземельные крестьяне-поденщики». Требование созыва учредительного собрания содержалось, однако, в двух литовских петициях — от безземельных крестьян Кальвевского общества Япишской вол. Шавельского у. и малоземельных и безземельных крестьян Попедельской, Чадоской и Топильской волостей Ново-Александровского у. Ковенской губ. — вместе с такими радикальными требованиями, как прекращение войны с Японией в первой петиции (№ 35) и право

²² Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 18, л. 47—48; д. 25, л. 411; д. 18, л. 119 и след.

забастовок для улучшения быта рабочих — во второй (№ 36).²³ Главным в остальных петициях безземельных, как, впрочем, и в уже упомянутых, было требование земли.²⁴ Речь шла как о законодательных мерах для передачи крестьянам части казенных, помещичьих и пасторатских земель, так и о конкретных ходатайствах по поводу выделения крестьянам земли в тех или иных районах. В 19 петициях безземельных из Курляндской и Лифляндской губерний содержалось среди прочих и требование раздачи безземельным небольшими участками всех вообще казенных, пасторатских и квотных земель.²⁵

Подчеркивание первенствующего значения требования земли перед всеми остальными, и прежде всего политическими, требованиями сопровождалось в единичных случаях обещаниями «успокоения» («имеющий свой участок земли подданный не взбунтуется»), о которых уже было сказано выше. Так, например, приписка, сделанная к типовой петиции «Постимеэс» безземельными д. Замок Зербенской вол. Венденского у. гласила: «Ни существующие формы самоуправления, ни различные комитеты не могут нас удовлетворить. Безземельный народ повергает правительству всеподданнейшую просьбу, чтобы повелено было поднять то самое знамя, которое поднято 19 февраля 1861 г. Только это избавит от нужды миллионы народа, и исчезнут все хитрые враги и возмутители».²⁶

Заслуживают специального внимания два дополнения, внесенные в типовой проект «Постимеэс», в петиции «от эстов г. Нарвы и окрестностей». Как и в эстонских петициях из Тиммской и Катентакской волостей, в первом из этих дополнений подчеркивалось, что «русское государство, несмотря на разноплеменность его населения, должно оставаться нераздельною политической единицею», однако «нынешние основные законы и нынешнюю систему управления государством... следует изменить и заменить новыми». Выборы представительства предлагалось производить по «четырёххвостке», а введение областного самоуправления должно было сопровождаться учреждением области «Эстима» из Эстляндской и северной части Лифляндской губерний. Второе дополнение касалось положения фабричного пролетариата в общероссийском масштабе, и в Прибалтике в частности. Здесь были требования постепенного введения 8-часового рабочего дня, упразднения детского и ночного и урегулирования женского труда, улучшения квартирных условий рабочих, упразднения цехов и свободы ремесленных союзов (№ 37).²⁷

²³ Там же, д. 24, л. 38 и след.; д. 18, л. 14; д. 23, л. 234; д. 24, л. 14 и след.

²⁴ Там же, д. 18, л. 35, 116, 118, 121, 128, 132, 145; д. 23, л. 194; д. 25, л. 45, 109.

²⁵ Там же, д. 6, л. 87—88.

²⁶ Там же, д. 22, л. 45 и след. — Текст приведен с исправлением стилистики и орфографии подлинника.

²⁷ Там же, д. 23, л. 357—364.

Примером сочетания умеренности как социально-экономических требований, так и других — в области местного управления — может служить петиция крестьян Лайцкой вол. Ревельского у. Эстляндской губ. Требование улучшить условия аренды помещичьих земель, которое обычно было связано с другими ходатайствами, сопровождалось здесь требованием привлечь помещиков к расходам по содержанию крестьянских судов (вместо их упразднения).²⁸

Из эстонских ходатайств, пожалуй, наиболее умеренным было ходатайство конгресса северолифляндских и эстляндских сельскохозяйственных и сельско-промышленных обществ и общепольных союзов, проходившего в Юрьеве 7—10 июня. В нем несомненно ощущалось влияние консервативных элементов в руководстве съезда. Выражение радости по поводу царского заявления при приеме земской делегации 6 июня (это заявление было, как известно, выдержано в примирительном духе, хотя через две недели царь высказался в совершенно противоположном смысле) сопровождалось словами о созыве народных представителей как средстве успокоения с надеждой на то, что эстонское население будет представлено как в общероссийском представительстве, так и в центральных учреждениях местного самоуправления.²⁹

До сих пор речь шла лишь о латышских и эстонских петициях. Обратившись теперь к литовским, отметим, что хотя канцелярия Совета министров не обрабатывала их по содержанию, как это делалось с частью латышских и эстонских петиций, тем не менее 28 литовских петиций были объединены по содержанию в письме временно заведовавшего делами Совета министров министру внутренних дел А. Г. Булыгину 8 сентября 1905 г. В разных вариантах этого письма они либо были названы «однородными», либо из них были выделены «наиболее типические».³⁰ Наиболее распространённое литовское крестьянское ходатайство³¹ во многом аналогично известным нам латышским и эстонским петициям, объединённым в п. 1 и 2 мемории IV. В нем, правда, не было четко выраженного требования созыва общероссийского представительства и не говорилось о гражданских свободах. Зато другие требования были до известной степени аналогичны ла-

²⁸ Там же, д. 18, л. 12.

²⁹ Там же, д. 20, л. 60.

³⁰ Там же, д. 24, л. 49 и след.

³¹ См. петиции из Кронской и Езненской волостей Троцкого у., Гелванской вол. Виленского у. Виленской губ., Яновской вол. Ковенского у., Мосядской и Гиптылишской волостей Тельшевского у., Понедельской вол. Ново-Александровского у., Вирбалишской вол. Вилкомирского у., Окмянского волостного схода, Жагорской вол. Шавельского у., Чипянской вол. Поневежского у. (с добавлением требования подоходного налога), Таурогенской вол. Россиенского у., Жоранской и Плунгенской волостей Тельшевского у. Ковенской губ., Кирснянской волости Кальварийского у., Удрийской и Кракопольской гмин, крестьян литовцев Сувалкской губ. (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 24, л. 1—47). В трех из упомянутых здесь петиций было добавлено требование гражданских свобод.

тышским и эстонским, вплоть до требования восстановить в Вильно университет.

С другой стороны, как в латышских и эстонских петициях, отчетливо наблюдался политический радикализм требований, дополнительно включавшихся в бедняцкие петиции. Помимо двух упомянутых петиций, содержавших требование созыва учредительного собрания, еще в нескольких из них фигурировали такие требования, как введение выборности должностей станового пристава и полицейского урядника (в петиции Опиштинского прихода Вилкомирского у. Ковенской губ., № 38), созыв выборных в общегосударственном масштабе с избранием их всеобщим голосованием (в петиции безземельных Груздовской вол. Шавельского у. Ковенской губ.), всеобщим равным и тайным голосованием (в петиции Чипянской вол. Панаевежского у. Ковенской губ.³²). Таким образом, и здесь классовая дифференциация в крестьянской среде оказывала свое влияние на содержание петиций.

Каково их общее значение в качестве источника сведений о требованиях, чаяниях и настроениях крестьянства, различных его слоев? В многовариантности текстов, значительно превышающей число типовых петиций, в языковом несовершенстве некоторых из них и в добавлениях к другим можно видеть аргументы в пользу участия самих крестьян в составлении петиций. Сельские интеллигенты (учителя, писари, фельдшеры и т. д.), которые являлись, по-видимому, главными действующими лицами петиционной кампании в деревне, с одной стороны, хорошо знали крестьянские нужды, а с другой — могли служить проводниками как революционного, так и мелкобуржуазного влияния в крестьянской среде. Либерально-буржуазное начало заключалось в некоторых из типовых петиционных проектов.

Обычно петиции обсуждались на волостном сходе с занесением протокола в волостную книгу. Как правило, все участники схода голосовали за текст петиции, иногда предварительно обсужденной несколькими выборными представителями сельского общества. Таким же образом принималась известная уже нам петиция на сходе безземельных Одензеской вол. и другие петиции безземельных.

Важное для оценки содержания петиций обстоятельство заключалось в том, что в сущности все их требования совпадали с теми, которые выдвигались в известных нам обращенных к крестьянам и сельскохозяйственным рабочим листовках прибалтийской социал-демократии. Уже в марте в листовке ЦК Латышской социал-демократической рабочей партии «Крестьяне!», а в апреле в другой — «Сельские рабочие!» — появились в сущности все те требования, которые в последующие месяцы вошли в крестьянские петиции.³³ Некоторые из таких требований содер-

³² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 24, л. 19, 22 и след., 28 и след.

³³ Революция 1905—1907 гг. в Латвии: Документы и материалы. Рига, 1956, с. 119—120, 128—131.

жались в июньском воззвании ЦК Социал-демократической партии Литвы.³⁴ Однако в этих листовках определяющими были призывы революционного характера. В первой листовке — это бойкот правительственных учреждений и избрание тайных доверенных лиц для осуществления функций управления, во второй — объявление всеобщей забастовки в случае невыполнения предъявленных требований. В ней указывалось: «... все эти перемены могут быть проведены только тогда, когда будет низвержен существующий несправедливый государственный строй — царское самодержавие» — и выдвигались лозунги: «Долой эсплуататоров! Долой царское самодержавие! Да здравствует Демократическая республика! Да здравствует социализм!» В третьей листовке также содержался призыв к свержению существующего строя и передаче власти в руки народа.

Требования, которые в листовках связывались с революционными лозунгами, в крестьянских петициях излагались в форме просьб к правительству. И хотя содержание петиций по большей части плохо совмещалось с этой формой, да и соблюдалась она далеко не всегда (петиции носили подчас весьма требовательный характер), именно это обстоятельство определяло отношение прибалтийских социал-демократических организаций к петиционной кампании. Если литовские социал-демократы, проводя работу среди сельскохозяйственных рабочих, рассматривали их участие в петиционной кампании как легальную форму борьбы,³⁵ то II съезд Латышской СДРП в июне 1905 г. высказался против участия в петиционной кампании. Но независимо от этого влияющая революционно-демократической (а не только либерально-буржуазной) идеологии на содержание рассматриваемых здесь петиций, которое в основном определялось собственными требованиями крестьян, — несомненный факт, характеризующий их значение как источника.

В заключение приведем наши подсчеты распространенности в петициях отдельных требований, нумеруя требования, как это сделано в тексте (конкретные имущественные требования и просьбы крестьян местного характера, а также общие требования об улучшении условий аренды и покупке земли крестьянами обозначим № 39), и помечая второй цифрой число петиций, в которых имеется то или иное требование: 1—188, 2—191, 3—163, 4—186, 5—158, 6—183, 7—174, 8—175, 9—159, 10—117, 11—158, 12—158, 13—121, 14—115, 15—174, 16—110, 17—112, 18—132, 19—108, 20—108, 21—108, 22—108, 23—3, 24—3, 25—3, 26—12, 27—4, 28—3, 29—154, 30—3, 31—9, 32—6, 33—5, 34—4, 35—2, 36—1, 37—1, 38—1, 39—47.

---

³⁴ Революция 1905—1907 гг. в Литве: Документы и материалы. Вильнюс, 1961, с. 319—320.

³⁵ Очерки истории Коммунистической партии Литвы. Вильнюс, 1973, т. I, с. 165.